

Из вестника, Москва, 1967, 25 сент.

ЛЕТОПИСЬ ВЕЛИКОЙ ЭПОХИ

ГЛЯДЯ НА ФОТОГРАФИЮ

Я ВГЛЯДЫВАЮСЬ в эту фотографию, и в памяти ожидают события почти полувековой давности, встают люди, скоторыми судьба свела меня в те далекие бурные годы.

Шел 1920 год. В Харькове был сформирован агитпоезд, отправившийся во фронтовой рейс.

«Население» агитпоезда составляли артисты, музыканты, художники, литераторы, все молодежь, горячо увлеченная своим делом. Мы курсировали на подходах к Крыму, по берегам Днепра, у Екатеринослава, Лозовой, Александровска, где бродили махновские банды. «Багаж» поезда — слово правды. Оно доходило до самых глухих уголков, агитировало и боролось за Советскую власть.

Прибыв в район расположения Красной Армии, мы тут же, на железнодорожной насыпи, ставили спектакли, устраивали концерты и киносеансы. Зрители — красноармейцы, рабочие и крестьяне из ближних селений. Бывало и взором не окинуть тысячную толпу, с напряженным вниманием следившую за ходом спектакля.

Иногда во время киносеансов звучал сигнал боевой тревоги, раздавалась команда: «Выходи из ва-

гонов! Ложись!» Это означало, что махновцы, охотившиеся за нашим поездом, где-то неподалеку. И все это переживалось с тем высоким подъемом, который свойствен непоколебимой вере в порученное тебе дело.

Неуютно бывало, когда отцепляли паровоз. Но он, словно понимая это, быстренько добежал до водокачки, набирал воду, также торопливо возвращался обратно, и мы двигались дальше. Двигались, чтобы показывать спектакли и фильмы, проводить собрания и митинги, нести в массы слово Советской власти. Но, кроме этого, почти на каждой станции нас ждали и суровые дела: в одном из вагонов агитпоезда размещалась выездная сессия военно-революционного трибунала. В нее входили председатель В. П. Потемкин, военный комиссар А. Р. Орлинский и член ревтрибунала тов. Вольфсон. (Увы, память не сохранила его имени).

Старшие товарищи поддерживали у молодежи агитпоезда революционный дух и во многом служили для нас примером. О нашем

коллективе А. Р. Орлинский писал, что он «играл роль художественного агитпропа обороны в прямом смысле слова». Записка заканчивалась словами: «Это был первый его закал, как актера революционной эпохи». Это было сказано обо мне и, конечно, о моих товарищах, вместе с которыми я шагал по военным дорогам, — о Марии Синельниковой и Татьяне Бобровой, о Владимире Королевиче и Дмитрии Васнецове, о Фабиане Гарине и Моне Левантовском, об Алексее Хвостове и обо всех других, в чьем труде сегодня ощущается дыхание замечательного прошлого.

Владимир Петрович Потемкин тех лет запомнился мне человеком мягким, внимательным и отзывчивым. Последующие годы, когда мне доводилось встречаться с ним на театральных и иных горизонтах, не изменили этого впечатления. Ученый-историк, дипломат, президент Академии педагогических наук, автор книг по педагогике — он был все так же внимателен к людям, интересовался

художественном театре и у меня много ролей. В его пытливых расспросах я почувствовал не обычную вежливость, а настоящий глубокий интерес к судьбам моих товарищей.

Но я помню Потемкина не только таким.

В ту пору мне исполнилось семнадцать лет. Я весь был захвачен романтикой событий. Только теперь, умудренный опытом жизни, я начинаю понимать, какая глубочайшая вера в справедливость своего дела должна была жить в этом человеке, если он со своей мягкостью, глубочайшей интеллигентностью, гуманизмом педагога мог ровным, спокойным голосом зачитывать смертные приговоры врагам революции.

В Александровске мы узнали страшную историю расправы с красным командиром. Его, заночевавшего в избе крестьянина Ивана Кищенко — я запомнил эту фамилию — хозяин и сын Михаил оглушили ударом, засунули в мешок, привязали груз и бросили в Днепр. Очнувшись в холодной воде, коман-

дир нашел силы разорвать мешок и выплыть.

Утром он пришел в ту же избу, но уже не один. Кищенко испугался. При обыске у них нашли обычное оружие махновцев — об-

резы.

И вот недалеко от мельницы, у элеватора, за столом под красным сукном, на скамейках расположился трибунал.

— ...Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики августа, 4-го дня, 1920 года военно-революционный трибунал, заслушав дело Ивана и Михаила Кищенко... — Слова, произносимые спокойно, врезаются в напряженное внимание толпы. — ...приговорить к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит. Приговор будет приведен в исполнение немедленно. Комендант Левкович, примите меры.

Отец и сын в злобе и страхе стояли у насыпи. Раздалась команда: — По контрреволюции... пли!

Окруженные двойным вражеским кольцом — бандами махновцев и Врангелем, мы были обязаны быть беспощадными.

А вот другой эпизод.

Утро солнечного дня на станции Лозовая началось с заседания трибунала.

Подсудимый — красный командир, интернационалист Иштван Н., в фуражке, в гимнастерке, расшитой красными «разговорами» (так называли тогда нашивки на груди), стоял навтыжку перед трибуналом.

Сущность дела. В агитпункте на маленьком переезде, где скопилось много разных людей, он выболтал сведения о направлении движения наших войск, говорил много лишнего. В условиях передовой — это преступление. Его арестовали. И вот в этот безоблачный день снова звучит приговор: именем Российской Советской...

И снова это беспощадное слово — расстрел.

Подсудимый выслушивает приговор, держа руку под козырек. Он мертвенно бледен.

Мы улавливаем после слова «расстрел» какую-то странную паузу, словно что-то оборвалось на высокой ноте и ждет завершения:

— Но, — продолжает В. П. Потемкин, — принимая во внимание истинно революционную деятельность подсудимого... первичный

приговор отменить и товарища Иштвана Н. из-под стражи освободить.

Белое лицо не успевает набрать краски. Дружеский взгляд председателя трибунала, вежливое «товарищ, вы свободны» словно не доходят до его сознания...

— Усадите его, — обратился Потемкин к коменданту. — Проведите в вагон, окажите помощь.

В такие напряженные мгновения мужало, закалялось, становилось мудрым наше поколение. О трудностях и их преодолении, о романтике, которой были наполнены те годы, о тех, кто прокладывал путь в сегодня, думал я, пока рассматривал старую, почти пятидесятилетнюю давности, фотографию.

Борис ПЕТКЕР,
народный артист СССР.

